

Поиск методологии исследования философских взглядов Л.М. Лопатина

Предметом нашего исследования является философия Л.М. Лопатина (1855-1920), которая на сегодняшний день сравнительно мало изучена, малоизвестна. Однако, «малоизвестность» в данном случае совсем не означает «незначительность», а малая степень изученности 'спиритуалистической метафизики Л.М. Лопатина объясняется отнюдь не отсутствием в ней интересных идей и ходов мысли.

В академических кругах в конце XIX – начале XX века имя и творчество Лопатина были известны, уважаемы. Л.М. Лопатин был профессором в Московском университете, председателем Московского психологического общества до его закрытия в 1917 году, редактором журнала «Вопросы философии и психологии». Он не только занимался теоретическими исследованиями, но и вел значительную общественную деятельность. Другом Л.М. Лопатина с детства был Вл.С. Соловьёв, их философское развитие, образование шло почти одинаково. А.Ф. Лосев однажды назвал себя учеником Л.М. Лопатина.¹ Н.О. Лосский защищал свою докторскую диссертацию у Лопатина. «Сохраняя неприятные воспоминания о своем магистерском диспуте у проф. Введенского, я решил защищать докторскую диссертацию в Московском университете у проф. Лопатина. Диспут состоялся в апреле 1907 года. Он протекал вполне нормально. Официальными оппонентами были проф. Лопатин и приват-доцент Виноградов. Возражения Лопатина против некоторых отдельных положений диссертации были серьезные, но общее отношение его к моей книге было благожелательное».² Приводимые далее слова о Введенском вполне относятся и к Лопатину: «Введенский, как и Лопатин, стал подлинным творцом и подвижником профессиональной, университетской философии в России, создателем собственной научно-педагогической школы, в которой выросли многие талантливые русские мыслители XX века».³ Ближайшее окружение Лопатина составляли В.П. Пресображенский, Н.Я. Грот, С.Н. и Е.Н. Трубецкие, П.Е. Астафьев, Н.А. Зверев, А.Ф. Кони, Г.А. Муромцев, В.М. Герье, В.А. Гольцев, В.Н. Ивановский, конечно, Вл.С. Соловьёв.

Какие источники мы исследуем, чтобы составить представление о философских взглядах Лопатина, месте этого философа в истории русской философии, взаимосвязи его воззрений с воззрениями современных ему русских философов? К первой группе источников, прежде всего, отнесем философские труды Л.М. Лопатина. Главный среди них – книга «Положительные задачи философии», вышедшая в двух частях.⁴

Первая часть книги представляет собой магистерскую диссертацию Лопатина, а вторая – докторскую. Затем это сборник статей «Философские характеристики и речи».⁵ Здесь Лопатин дает критический историко-философский анализ идей Декарта, Лейбница, Канта, Шопенгауэра, В.С. Соловьева, высказывает свою точку зрения на современное ему состояние философии и на ее будущие задачи. Далее это статьи Лопатина в журнале «Вопросы философии и психологии», печатавшиеся в разные годы. Среди этих статей: «Аксиомы философии», «Вл. С. Соловьев и кн. Е.Н. Трубецкой», «К вопросу о математических истинах (ответ Н.А. Иванцову)», «К вопросу о мирозерцании блаженного Августина» (написана в соавторстве с Н.А. Зверевым), «По поводу нового труда С.А. Алексеева (Аскольдова)», «Монизм и плюрализм», «Научное мировоззрение и философия», «Новая теория познания» (отзыв на книгу Н.О. Лосского «Обоснование интуитивизма»), «Спиритуализм как монистическая система философии», «Спиритуализм как психологическая гипотеза», «Типические системы философии», «Явление и сущность в жизни сознания». Для изучения этих работ мы обращались к дореволюционным изданиям, так как труды Лопатина не были переизданы. Исключение составляют статьи Лопатина, опубликованные в 1996 году.⁶ Вне нашего рассмотрения, к сожалению, остаются работы Лопатина: «История древней философии, М., 1901; «Психология» М., 1902; предисловие к сборнику «Проблемы идеализма» (1902); «Лекции по истории новой философии ч. 1.», М., 1914; «Лекции по истории новой философии, ч. 2.», М., 1917; однако, по косвенным источникам можно судить, что эти труды больше относятся к преподавательской деятельности Лопатина, и в меньшей – к собственно творческой философской. Ко второй группе источников отнесем свидетельства о философии Лопатина его современников: тех, кто вступал с ним в полемику, кто давал характеристику его личности и философских взглядов, кто составлял круг его повседневного и творческого общения. Эти свидетельства можно отыскать в самых разных работах и изданиях.⁷ К третьей группе источников отнесем статьи о Лопатине, помещенные в словари и энциклопедии.⁸ К четвертой группе – специальные исследования философии Л.М. Лопатина.⁹ Эта группа источников самая малочисленная, кроме того, указанные исследования опираются не на весь корпус работ Лопатина, а на какую-либо выбранную часть. Значит, целесообразно предпринять возможно более полное исследование философского наследия Лопатина. Наряду с вышеуказанными исследованиями следует упомянуть «Историю русской философии», написанные В.В. Зеньковским (1948), Н.О. Лосским (1951), И.И. Евлампиевым (2002), в которых есть сведения о философии Лопатина. Но эти сведения лаконичны, а недостатки метода вышеуказанных исследователей будут рассмотрены ниже. Наконец, к пятой группе источников мы отнесем тексты, которые не посвящены непосредственно Лопатину, но в которых о нем есть те или иные сведения.¹⁰

Таковы источники, по которым можно изучать философию Лопатина. Каким же методом изучения мы воспользуемся? Наш метод изучения выработался в ходе «вчитывания» в тексты Лопатина и анализа методов тех исследователей, которые писали о Лопатине до нас. Начнем с краткого резюме этих методов, а затем перейдем к описанию нашего метода.

Ряд исследователей, уделявших внимание Л.М. Лопатину, отмечали, что на него оказал философское влияние Лейбниц, характеризовали его общую философскую позицию как (нео)лейбницеанство. В этом ряду – В.В. Зеньковский, И.И. Евлампиев. Такой историко-философский подход есть частное выражение общей попытки представить русскую философию как совокупность продолжений учений западных философов. Какие были на Западе знаменитые философы? И. Кант, Г.В. Лейбниц, Г. Гегель, Ог. Конт и т.д. Значит, в России имеем: (нео)кантианцев (А.И. Введенский, И.И. Лапшин, Г. Челпанов, С. Гессен и т.д.); (нео)лейбницеанцев (А.А. Козлов, Л.М. Лопатин, С. Аскольдов (Алексеев) и т.д.); (нео)гегельянцев (Н.В. Станкевич и его кружок, И.А. Ильин и т.д.); (нео)позитивистов (Ватсон, де Роберти и т.д.) и т.д. Этот прием исследования, на наш взгляд справедливо, Н.П. Ильин называет «искусственной системой» исследования. Суть этого приема отнюдь не в том, чтобы, распределив «всех значительных русских мыслителей по группам, названия которых выражают связь этих мыслителей с теми или иными классиками европейской философии», показать их преемственность к тому или иному идейному направлению, возникшему на почве более древней, чем русская, философской традиции, высветить связь русской и европейской философской мысли. «Но в том-то и дело, что Зеньковский пользуется этим приемом лишь с одной целью: указав на «зависимость» определенного русского мыслителя от того или иного классика европейской философии, резко снизить значимость первого именно как самостоятельного мыслителя».¹¹ Ильин не «перегибает палку». Хоружий С.С., сторонник критикуемого нами метода, утверждает, что русские философы от раннего русского шелленгианства до позднего русского неокантианства при попытке овладеть техникой западного философствования впадали в «ученичество, не добирающееся до самостоятельных творческих задач».¹² Аналогичный вывод по отношению «неолейбницеанца» Лопатина делает И.И. Евлампиев: «Возвращаясь к спиритуализму Лопатина, нужно еще раз подчеркнуть, что его концепция мира субстанций не несет в себе ничего особенно оригинального и является достаточно банальной версией лейбницеанства, дополненной идеей взаимодействия монад».¹³ И Хоружий, и Евлампиев придерживаются одинаковой искусственной схемы и делают одинаковые обескураживающие выводы. Но в таком случае логичнее говорить не о русской философии, а о западной философии, нашедшей свое распространение в России.

Существует еще один историко-философский метод – разложение взглядов какого-либо мыслителя на сумму влияний его предшественников и современников. В истории русской философии предпринималась попытка учение Г.С. Сковороды разложить на Платоновское, Сократовское и т.д. влияния, но все-таки в споре победили сторонники тезиса о целостности и национальной самобытности его философии.¹⁴ В случае же с Лопатиным предвзятый исследователь обращает внимание на влияние на него Лейбница и Лютце. Действительно, проведенный нами сравнительный анализ текстов Г.В. Лейбница и Л.М. Лопатина показывает, что оба философа одинаково определяют метафизику как умозрительное знание о действительности, о вещах в их началах и конечном назначении, знание внутренней сути вещей; защищают права метафизики на существование: без ее

признания невозможно никакое научное знание; утверждают, что в философии есть фундаментальные аксиомы как логического, так и интуитивного порядка; полагают, что вся совокупность реального обладает внутренней субъективной духовной жизнью (спиритуализм). Но даже при этих совпадениях философия Лопатина не является суммой повторяемых им идей Лейбница. Ведь спиритуализм, метафизика – это философские способы осмысления мира. Из того факта, что и Лейбниц, и Лопатин – спиритуалисты, метафизики, не следует, что один заимствует у другого. Скорее, они пользуются одинаковым методом. Добавим к этому, что есть что-то нелепое, неразумное в подозрении о том, что Лопатин, спустя столетия, повторяет идеи Лейбница без поправки на развитие науки. Мы предполагаем, что спиритуализм как способ философствования, попадая на культурную почву Германии и России, дает похожие результаты, сохраняет свои родовые черты, одновременно модифицируясь под влиянием национальной культуры. Это позволяет «видеть» «русское неолейбницеанство», усматривать влияние Лейбница на Лопатина, но *post hoc* не значит *propter hoc*. Наше предположение позволяет объяснить самостоятельность, оригинальность творчества каждого философа, неразложимость его взглядов на взгляды других мыслителей. Итак, попытка свести философию Лопатина к сумме идей предшественников игнорирует самостоятельность его философского творчества.

Третий метод исследования находим у П.П. Гайденко.¹⁵ Он состоит в том, чтобы выделить и проанализировать лишь один из аспектов мировоззрения Лопатина. Но мы ставим задачей исследовать творчество Лопатина целиком, поэтому этот метод нам не подходит. П.П. Гайденко, опираясь только на первую часть «Положительных задач философии» пытается раскрыть диалектический аспект взглядов Лопатина, показать его как диалектика. На наш взгляд, такая попытка некорректна по двум причинам. Во-первых, нельзя игнорировать вторую часть «Положительных задач философии», в которой изложена собственно самостоятельная часть философии Лопатина, тогда как в первой части книги он больше занимается критическим анализом западной философии; также нельзя игнорировать статьи Лопатина в «Вопросах философии и психологии». Во-вторых, по данным, полученным в ходе нашего исследования, диалектиком Лопатина можно называть очень осторожно. Диалектики он касается, когда говорит о всеобщем устройстве мира как многого в едином и единстве во множестве. Также у него есть рассуждение о диалектике как о мыслительном процессе, состоящем в поступательном расширении понятий, через признание того, что в первоначальном понимании понятий, которое отрицается, истина всецело не уместается. Об этом можно прочитать в небольшой главе «Панлогизм Гегеля».¹⁶ Собственно говоря, диалектика не основная черта философии Лопатина, Лопатин говорит о диалектике не специально и подробно, а только поясняя свои основные мысли. Лопатин недолюбливал диалектику. В споре с Вл. Соловьевым о свободе воли он даже специально настаивал на тезисе, тогда как Соловьев – на антитезисе.¹⁷

Но как же нам классифицировать философию Лопатина? Нам ближе точка зрения тех исследователей, которые относят Лопатина к группе представителей университетской философии.¹⁸ Рациональнее классифицировать философские

учения по критерию их принадлежности к социальным институтам, чем по критерию идейной преемственности. В случае классификации по критерию идейной преемственности мы получаем искаженную, предвзято нарисованную картину истории русской философии. Эта картина будет нарисована либо выборочно, в зависимости от предпочтений автора, либо некритически, путем выставления на поверхность того, что представлялось «по традиции». Но в случае классификации по критерию принадлежности к социальным институтам мы избегаемся от этих недостатков. Тогда мы получаем такие типы: 1) университетская философия, развивавшаяся в светских учебных заведениях; 2) духовно-академическая, развивавшаяся в духовных академиях; 3) философия, принадлежащая иным социальным институтам (кружки славянофилов и западников; публицисты и критики (В.Г. Белинский, А.И. Герцен и др.); религиозные писатели и художники слова (В.В. Розанов, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и др.); революционные теоретики (П.Л. Лавров, М.А. Бакунин, П.А. Кропоткин).¹⁹ В свете такой классификации вполне объяснимо «влияние Лейбница» на Лопатина, так как исследование Пустарнакова выявило, что университетская философия в России формировалась при решающей роли русско-немецких связей, особенно лейбнице-вольфовской философии. Пустарнаков также отвергает тезис о том, что русская философия – это «идейные течения», возникшие в XIX веке, которым принадлежали все влиятельные и важные философские замыслы. Философия, названная нами в пункте 3, чаще всего являлась дилетантской и в большей степени политически предвзятой. Она отражала те недостатки русской «беспочвенной интеллигенции», о которых говорилось в сборнике «Вехи». Тут уместно напомнить слова Н.А. Бердяева: «Опровергать философские теории на том основании, что они не благоприятствуют народничеству или социал-демократии, значит презирать истину. Философа, заподозренного в «реакционности» (а что только у нас не называется «реакционным»!), никто не станет слушать, так как сама по себе философия и истина мало кого интересуют. Кружковой отсебятине г. Богданова всегда отдадут предпочтение перед замечательным русским философом Лопатиным. Философия Лопатина требует серьезной умственной работы, и из нее не вытекает никаких программных лозунгов, а к философии Богданова можно отнестись исключительно эмоционально, и она вся укладывается в пятикопеечную брошюру».²⁰ Но Бердяев неправ, когда говорит, что спиритуалистическая философия Козлова и Лопатина, при всей ее самостоятельности, не представляет «оригинальной русской философии», всегда тоталитарной по постановке проблем, всегда соединяющей теоретический и практический разум, всегда окрашенной религиозно». Бердяев правильно видит в Лопатине представителя «университетской философии», но ошибочно полагает, что он стоит в стороне от магистральной линии истинно русской философии.²¹ То, что русская философия сводится только к религиозной русской философии – это ложный тезис, который является плодом эмигрантской историографии.²² Согласимся с Дж.П. Скэнланом, что России сегодня нужна не максималистская крайность наподобие «русской идеи», а «нетипичные размышления» таких философов, как Лопатин.²³ С «нетипичным» русским философским наследием нашему научному сообществу еще предстоит познакомиться.

Излишне широкое применение термина «философия» к явлениям российской духовной культуры, смежных с философией, характерно для ряда недавних публикаций.²⁴ Продолжая давать общую характеристику взглядам Лопатина, скажем, что нам ближе точка зрения Лосского Н.О., который характеризует Лопатина как персоналиста, чем точка зрения Зеньковского В.В., который характеризует его как антрополога и этика. Итак, определяя типичные, общие черты философии Лопатина, скажем, что это философия университетская, персоналистическая.

Теперь рассмотрим, что же в философии Лопатина является уникальным? Как выявить, обнаружить ее оригинальность, неповторимость? Анри Бергсон, полагал, что каждый настоящий философ имеет «свою оригинальную интуицию», пережитое им творческое озарение, сделанное им открытие. Выражая свою «интуицию, изъясняя свое открытие для других, философ использует термины, понятия своих предшественников, пытается выразить свое новое знание через чужое, всем известное».²⁵

Обычный ход историко-философского исследования таков. Изучение источников, затем – реконструкция философской системы, разбор ее на влияния предшественников и современников, нахождение сходств и различий, усмотрение синтеза тех идей, в обстановке которых жил философ. При этом то «самочинное», что есть в философской мысли, ускользает. Но если мы продолжаем работать над исследованием дальше, то вдруг замечаем «единственную точку», в которой есть нечто простое, о чем философ то так, то иначе говорил всю жизнь. Н.О. Лосский в своих «Воспоминаниях» пишет, что такой «точкой» для него стало: «все имманентно всему». Берем на себя смелость утверждать, что такая исходная интуиция у Л.М. Лопатина, такая «единственная точка» его философии – понимание творческого характера причинности, сделанное им открытие, что истинная причинность – не механическая, а творческая. Причинность, говорит Лопатин, надо понимать как выражение производящей деятельности, или самодетельности. В нашем сознании мы переживаем реальность свершения творческих актов и реальность встречающих их противодействий. Активность духа познается нами непосредственно, и реальность нашей самодетельности (свободы воли) а priori подразумевается в понятии всякого сознания. В существах, способных от себя начинать движение, должно предполагать внутреннюю активность и самостоятельную причинность. Лопатин выводит из учения о законе причинности идею духа и всемирной духовности (спиритуализм). Не абсолютизируя человеческий разум, Лопатин говорит о мистицизме. В духе есть сила, порождающая в уме нечувственные идеи. Так, творчество начинается с безотчетной, смутной идеи, догадки.

Итак, наш метод исследования состоит в принципиальном отказе от разложения философских взглядов Лопатина на сумму идей его предшественников, а также в принципиальном отказе от схематизации типа «неолейбницеанец», «религиозный, православный философ» и т.п. Наш метод – метод выделения «философского ядра», «философской основной интуиции», описания ее, реконструкция всей философии Лопатина как строения вокруг этого «ядра». В философии Лопатина мы выделяем творческий элемент системы и средства его выражения. Может быть, это выглядит парадоксальным, но наш метод, «подсказанный» А. Бергсоном, позволяет

провести анализ и квалификацию философии Лопатина по критериям социально-исторической детерминированности, дивергентности и кумулятивности, а это критерии метода партийности в понимании З.А. Каменского.²⁶

«Светская» философия Лопатина взаимосвязана с русской религиозной философией. Здесь мы видим своеобразное «разделение труда». Русская религиозная философия давала «общее сознание истины» в таком акте познания, который противоположен рациональному познанию западной философии. Лопатин же конкретизировал понимание истин, открытых в религиозной философии посредством метафизического умозрения, подвел «субстанциальную основу» под живое многообразие мира. С.С. Хоружий в статье «Обретение конкретности» (вводная ко 2-му тому Флоренского «У водоразделов мысли») говорит об образе Космоса у Флоренского: имя космоса – пневматосфера – есть символическая реальность, построенная из энергетических символов. Концепция пневматосферы предполагает, что материя строится на них, насквозь и всюду духовна. Здесь С.С. Хоружий ставит вопрос: это необычное учение, не только в идеях, но и в самом общем типе – насколько уникально? Каково его место и родство в истории мысли? Однако, говорит он, для основательного ответа на этот вопрос пока недостаточно ни материалов, ни времени для изучения. На вопрос этот находится ответ при знакомстве со спиритуализмом Лопатина, где одна из основных идей – всеобщая духовность сущего, материя – не то, что о ней обычно думают. Значит, родство учения Флоренского находим у Лопатина, оно уникально в силу его принадлежности к русской национальной философии; эти же необычные идеи высказывает Лопатин, только на 25-30 лет раньше.

Ключом к решению проблем, стоящих перед нами, послужили слова В.Ф. Эрн: «Вся русская философия со Сковороды и заканчивая Вяч. Ивановым – цельное и единое по замыслу дело. Каждый мыслитель своими писаниями или своей жизнью как бы вписывает главу какого-то огромного, и может быть, всего лишь начатого философского произведения, предназначенного, очевидно, уже не для кабинетного чтения, а для существенного руководства жизнью. Несмотря на «пафос расстояния», отделяющий Вл. Соловьева от славянофилов, или Лопатина от Вяч. Иванова, между всеми (повторю оригинально русскими) мыслителями есть какой-то «тайно обмененный взгляд». Что-то единое видится и предчувствуется всем представителям русского философского самосознания, и диалектика, искание жизнью, чудачество и трагизм личных переживаний – все различными путями ведет к одному, и все различными тонами вливается в одно симфоническое целое».²⁷

Литература

- 1 Лосев А.Ф. *И не погаснет то, что раз в душе зажглось* // *Юность*. 1989. № 6. С. 62.
- 2 Лосский Н.О. *Воспоминания* // *Вопросы философии*. 1991. № 11. С. 129.
- 3 Евлампиев И.И. *История русской философии*. М., 2002. С. 246.

- 4 Лопатин Л.М. Положительные задачи философии. Ч.1, М., 1886; Он же. Положительные задачи философии. Ч.2, М., 1891.
- 5 Лопатин Л.М. Философские характеристики и речи. М., 1911.
- 6 Л.М.Лопатин. Аксиомы философии. Избранные статьи. М., 1996.
- 7 Бердяев Н.А. Русская идея (в любом издании); Введенский А.И., Лосев А.Ф., Радлов Э.А., Шпет Г.Г. Очерки истории русской философии. Свердловск, 1991; Грот Н.Я. О второй части книги Л.М.Лопатина «Положительные задачи философии» // Вопросы философии и психологии, 1891, № 10; Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм / Сочинения, 4-е изд., том 14, С. 284, 290; Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990; Лосский Н.О. Воспоминания // Вопросы философии, 1991, № 11; Огнев А.И. Лев Михайлович Лопатин. Петербург, 1922 и другие.
- 8 Колубовский Я. Лопатин Л.М. // Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Спб., 1896, том 18 (полутом 35); Большая Советская Энциклопедия, 3-е изд.; Философская энциклопедия, т. 3, М., 1964; Новая философская энциклопедия. В 4-х тт., М., 2001.
- 9 Борисова И.В. Профессор философии // Л.М.Лопатин. Аксиомы философии. Избранные статьи. М., 1996; Гайденоко П.П. Диалектический процесс как отношение мысли к данности (учение «динамического спиритуализма») (Л.М.Лопатин).
- 10 Скэнлан Дж.П. Нужна ли России русская философия? // Вопросы философии, 1994, № 1; Лукьянов Л.М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. третья. Выпуск 11. М., 1990; Бонецкая Н.К. М.М. Бахтин и традиции русской философии // Вопросы философии, 1993, № 1.
- 11 Ильин Н.П. Трагедия русской философии. От личины к лицу. Основные принципы историко-философского понимания. // Москва, 2001, № 3, (глава 1.), <http://www.moskvam.ru/2001/03/ilin.htm>
- 12 Хоружий С.С. Арьегардный бой. Мысль и миф А. Лосева // Вопросы философии, 1992, № 10. С. 115.
- 13 Евлампиев И.И. История русской философии. М., 2002. С. 244.
- 14 Эрн В.Ф. Григорий Савич Сковорода. Жизнь и учение. М., 1912.
- 15 Идеалистическая диалектика в XX столетии. М., 1987. С. 48-67.
- 16 Лопатин Л.М. Положительные задачи философии. Ч. 1. М., 1911.
- 17 См. об этом: Лосев А.Ф. Вл. Соловьев и его время. М., 1990. С.546.
- 18 Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. Спб., 2003.
- 19 Маслин М.А., Павлов А.Т. В.Ф. Пустарнаков. Университетская философия в России... // Вопросы философии. 2004. № 8. С. 176
- 20 Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М., 1991, С. 18.
- 21 Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии, 1990, № 2. С. 105.
- 22 Ильин Н.П. Трагедия русской философии. От личины к лицу. Основные принципы историко-философского понимания. // Москва, 2001, № 3, (Введение), <http://www.muskraat.ru/2001/03/ilen.htm>
- 23 [Скэнлан Дж.П. Нужна ли России русская философия? // Вопросы философии. 1994. №1. С. 64-65.
- 24 Мильдон В.И. Русский Ренессанс или фальшь «серебряного века» // Вопросы философии, 2005, № 1; Павлов А.Т. Было ли в России в начале XX века религиозно-философское возрождение? // Вопросы философии, 2004, № 9.

- 25 Бергсон А. *Философская интуиция* // *Новые идеи в философии. Сб. № 1. Философия и ее проблемы.* Спб., 1912. С. 1-28.
- 26 Емельянов Б.В. З.А. Каменский. *Методология историко-философского исследования.* М., 2002 // *Вопросы философии*, 2004, № 3. С. 187.
- 27 Эрн В.Ф. Григорий Савич Сковорода. *Жизнь и учение*, М., 1912.